

**ВАЛЕРИЙ
ПЕРЕВОЗЧИКОВ**

**Владимир
Высоцкий**

**Только самые
близкие**

Валерий Кузьмич Перевозчиков Владимир Высоцкий. Только самые близкие Серия «Наши кумиры»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25018407

*Валерий Перевозчиков. Владимир Высоцкий. Только самые близкие: ТД
Алгоритм; Москва; 2017
ISBN 978-5-906947-91-8*

Аннотация

Высоцкий жил и творил во времена, которые "нуждались" в голосе, сорванном отчаянием, — он реабилитировал крик в русской поэзии. Это был выброс особой энергии, которая проникала в мысли и чувства людей, попадала им "не в уши, а в души".

Болезнь нашего времени — неостребованность вечных истин, тех самых жизнестроительных истин, по которым и "делали жизнь". И Высоцкий — может быть, только и именно Высоцкий — заполняет эту нишу. Он самый издаваемый и самый цитируемый поэт конца XX — начала XXI века. И что еще важнее — его продолжают слушать и петь. А чтобы точнее и полнее понять стихи и песни Высоцкого, надо знать, как он жил...

Книга Валерия Кузьмича Перевозчикова – попытка представить и понять живого Высоцкого. Каждый, кто знал его по-настоящему, имеет право на голос, считает автор – известный биограф поэта. Время идет, люди уходят, а с их смертью удаляется навсегда тот живой Высоцкий, которого знали только они.

Эта книга, содержащая эксклюзивные воспоминания и интервью, неизвестные факты биографии Владимира Семеновича, может вызвать несогласие читателей и желание поспорить с авторами свидетельств, но это свойство всех "непричесанных" воспоминаний.

Содержание

Живой голос, сорванный отчаяньем. Вступление	6
Штрихи к биографии	10
Нина Максимовна Высоцкая	10
О друзьях и соседях, о времени и о своей семье	10
О Марине, о даче и о наследстве	26
Еще о Марине, о ее книге, и о том, что происходило в июле 1980 года	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Валерий Перевозчиков Владимир Высоцкий. Только самые близкие

© Перевозчиков В.К., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Живой голос, сорванный отчаяньем. Вступление

*Чтобы понять текст, надо знать биографию
автора.
Сент-Бёф*

Начнем с мысли Михаила Михайловича Бахтина о том, что «позади у героя (у поэта) – смерть, впереди – жизнь (т. е. вечность)».

Высоцкий понимал значение и значимость того, что он делает. «Я тоже кошусь на эти самые века...» – знаменитый ответ Высоцкого Эрдману. Высоцкому есть что предъявить вечности, – так что насчет него можно справиться у великих.

«Считается, что в каждом поколении есть по крайней мере четыре праведника, на которых незримо держится мир и которые служат его оправданием перед ликом Господа...» (Борхес). И живой Высоцкий в их русском числе...

«И лучше всего послужит поэт своему времени, когда даст ему через себя сказать, сказаться» (Цветаева). Владимир Высоцкий о своем непростом времени: «Но влекут меня сонной державою, что раскисла, опухла от сна...»; «...И вся история страны – история болезни!».

Но как сказаться? Через язык, через речь, через текст. «Язык – это факт не научный, а художественный. Его изоб-

рели войны и охотники, и он гораздо древнее науки». (Честертон) Вспомним мысль Бродского, что от человека остается только часть, — это часть речи.

Высоцкий жил и творил во времена, которые «нуждались» в живом голосе, сорванном отчаяньем, — он реабилитировал крик в русской поэзии. Это был выброс особой энергии, которая проникала в мысли и чувства людей, попадала им «не в уши, а в души».

Михаил Пришвин, размышляя о трагической судьбе Пушкина, написал в дневнике: «Стало быть, искусство во вред себе?!»

«Искусство и там, где идет речь об отдельном человеке, означает повышенную жизнь. Она счастливит глубже, но и пожирает быстрее» (Томас Манн). Очень точные слова, они в полной мере относятся к Высоцкому.

Высоцкий и после смерти продолжает вмешиваться в жизнь «потом живых», становится для них личным чрезвычайным происшествием.

А тогда, в семидесятых-восемидесятых годах прошлого века, в эпоху безвременья и общественной немоты, — теперь (!) даже трудно представить, как это было нелегко...

Я это понял, когда с радостью и благодарностью встречался и разговаривал с людьми, которые имели хоть какое-то отношение к жизни и творчеству Владимира Семеновича Высоцкого. А ведь они уходят, прошло уже 30 лет со дня его смерти. И теперь каждая живая деталь, каждое подлинное

слово Высоцкого становятся бесценными.

Вениамин Смехов: «В Магнитогорске после моего выступления подходит один человек:

– Вы мало сказали о Высоцком – человеке...

– Он – поэт, и этим интересен...

– Но в Библии об Иисусе Христе сказано все. А Высоцкий для нас – как Бог, и нам интересно все».

Добавим сюда известную пословицу: «То, что знает Бог, должны знать люди».

Воспоминания. Повторим, что каждый, кто знал Высоцкого, имеет право на голос. А время идет и люди уходят. С их смертью уходит навсегда та часть живого В.В., которой они были свидетелями, о которой знали только они.

И, конечно, воспоминания – это не место сводить счета или выяснять отношения. А вот анализировать, спорить, не соглашаться – это право потомков. И еще одно: ведь жизнь всегда всерьез, и за слова, сказанные за другого, придуманные за Высоцкого, тоже придется отвечать.

А как верить длинным монологам Высоцкого, которые воспроизводятся спустя пятнадцать-двадцать лет после его смерти. И ведь этим грешат многие «вспоминатели». А.А. Ахматова предлагала за введение прямой речи в воспоминания подвергать человека уголовному наказанию.

Вере или неверию Владимира Высоцкого посвящено много статей... Читаем у Даля: «Умение – половина спасения. Искусство – половина святости». В принципе, Высоцкий сам

высказался на эту тему в своих последних стихах и песнях... «Купола в России кроют чистым золотом, чтобы чаще Господь замечал!», «Покарает Тот, кому служу...». Добавим еще известное: «Великий поэт не может не быть великим богословом». А кроме того, настоящий поэт – почти всегда пророк.

Болезнь нашего времени – неостребованность вечных истин, тех самых жизнестроительных истин, по которым и «делали жизнь». И Высоцкий – может быть, только и именно Высоцкий – заполняет эту нишу. Высоцкий – самый издаваемый и самый цитируемый поэт конца двадцатого – начала двадцать первого века. А может быть, еще важнее – Высоцкого продолжают слушать и петь. А чтобы точнее и полнее понять стихи и песни Высоцкого, надо знать, как он жил... Попытаться понять живого Высоцкого.

Что касается родителей Высоцкого, воспоминания которых публикуются в этой книге, то не будем забывать, что самое большое человеческое горе – смерть детей. Они были людьми своего времени – постараемся их понять... А я хочу попросить у них – у их памяти – прощенья за те огорчения, которые вольно или невольно им причинил.

В. Перевозчиков

Пятигорск, июль 2010 года

Штрихи к биографии

Нина Максимовна Высоцкая

О друзьях и соседях, о времени и о своей семье

На Малую Грузинскую к Нине Максимовне Высоцкой я попал по рекомендации Вадима Ивановича Туманова. Помню, что у нее уже была кассета с записью интервью на пятигорском телевидении, которую мы тогда же и прослушали. Правда, не до конца. Почему-то барахлила аппаратура.

Встречи эти происходили, начиная с конца 1987 года, а последняя встреча была в начале 1990 года. В это время шла работа над моей первой книгой «Живая Жизнь. Штрихи к биографии Владимира Высоцкого», в которой предполагалась публикация воспоминаний Нины Максимовны. А время тогда было бурное, сложное и очень интересное.

Это было время первых больших публикаций стихов Высоцкого, время первых статей о нем. Выходили первые книги – сборники стихов, песен и воспоминаний о В.В.

Кроме того, в это время начались публикации отрыв-

ков из книги Марины Влади «Владимир, или Прерванный полет». А потом вышла и сама книга. Параллельно развивалась «дачная история», или споры о надгробном памятнике Высоцкому на Ваганьковском кладбище.

Естественно, все разговоры с Ниной Максимовной я записывал (даже разговоры из телефонных автоматов)... Записывал сначала в толстую тетрадь, а потом и на диктофон. Что касается встреч на Малой Грузинской, то однажды я даже пил чай на кухне, и Нина Максимовна показывала мне коробки из-под различных сортов чая... Потом я узнал секрет знаменитого чая Высоцкого: «он по ложечке насыпал из разных коробок».

В текстах, которые публикуются в этой книге, попытка сохранить то время, когда так сложно и противоречиво начиналось изучение биографии Владимира Семеновича Высоцкого.

Высоцкая Нина Максимовна – мама Владимира Семеновича Высоцкого

– О друзьях?.. Валера, понимаете, это вопрос щепетильный. Друзья в разные годы менялись...

Ваня Бортник – может быть, я что-то не знаю, но в последний год Ваня появлялся очень редко. Мне рассказывали, что Володя подарил Ване пластинку, чтобы директор санатория устроил его на отдых. А Ваня эту пластинку продал. Ваня ведь человек пьющий, и все может быть... Но я этому не верю. Я спрашивала у Вадима Ивановича Туманова, он тоже этому не верит. Я просто видела, что в последний год Ваня редко бывал на Малой Грузинской.

Вот обвинили Костю Мустафиди... Как будто много лет тому назад Костя продавал Володиные кассеты. На Матвеевской он много записывал Володю. Может быть, Костя кому-нибудь и переписывал за деньги, – а почему нет? Если его просили записать, может быть, он и брал за это какие-то деньги.

Я знаю только, что он приходил к Володе, что были разговоры о его диссертации, что эта диссертация хранится здесь, на Малой Грузинской... Значит, Володя ценил Костю.

Толя Утевский – это было еще на Большом Каретном. Я помню его, такой красивый парень, у меня даже его фотография есть.

Ветка Бобров – сын известного артиста эстрады. А это бы-

ло время, когда молодые ребята были стилягами. Так вот, Бобров – он был стиляга. Наш сыночек тоже – носил брюки узкие, пиджачок «букле». И была какая-то статья про стильг, где фамилия Боброва была упомянута. Какой-то случай в ресторане. А мы с Семеном страшно волновались, как бы это дело не коснулось Володи.

А когда Володя стал студентом, к нам на Мещанскую стали приходить Валя Буров, Валя Никулин, Жора Епифанцев... Жора помогал нам переехать в новый дом. Он говорил: «Ну вот мы и переехали!» – и пришел к нам со своим добром.

– Епифанцев мне рассказывал, что когда он оставался ночевать, то Вы стелили ему и Высоцкому на полу, чтобы было равенство.

– Нет, не было этого. Еще Семен Владимирович купил громадную кровать. И она переехала сначала в новую квартиру, потом в Черемушки... Эта кровать стояла в спальне, и Володя с Жорой Епифанцевым спали на этой кровати, потому что на полу места не оставалось.

Жора... Здоровый и нахальный, мог открыть холодильник: «А у вас мясо есть?!». Вел себя как дома. Здоровый мужик и бесцеремонный. Это у него на полу спал Володя! И Жора об этом рассказывает в своих выступлениях... Как будто Володя спал у него на кухне – под столом! Я ему позвонила: «Жора, как тебе не совестно! Как можно говорить такие вещи на публике! Это в высшей степени неэтично. По-

чему ты Володю в таком свете выставяешь?!» А он говорит: «Ну а я что?! Нина Максимовна, и я часто на полу спал. Может, я выпил перед выступлением.» Вот он такой.

Конечно, это молодая романтика – тогда могли спать где угодно, даже на полу. Но все-таки. Конечно, его жена Лиличка (балерина Лилия Ушакова. – *В.П.*) была интеллигентная женщина. И даже если Володя спал на полу, то это было вполне прилично. Кстати, Володя и познакомил Жору и Лиличку, а потом они поженились. Она стала обставлять квартиру, а Жора разрисовал ей кухонный стол, под которым якобы спал Володя. А потом он как ударил кулаком по этому столу: «Вот не было у нас никаких мебели, и мы друг друга любили.» Как ударил по полированному столу – этот стол треснул! Жора – горячий человек. Да, была такая троица: Роман Вильдан, Жора Епифанцев и Володя Высоцкий – они дружили тогда. Выпивали, конечно. У них в студии были занятия по светским манерам, ну, например, как держать себя за столом. Так они в чашки вместо чая иногда наливали вино. И преподавательница рассказывала: «Я ничего не понимаю, к концу занятия они все такие веселые.»

– *Манеры у них преподавала княгиня Волконская.*

– Да, она очень удивлялась, почему они такие веселые.

А этот случай с морковкой, о котором Гарик Кохановский рассказывал, я тоже хорошо помню... Володя мне говорит: «Мамочка, мне нужно плесень на хлебе вырастить». А у меня на столе на блюдежке лежала морковь, я ее машинально

прикрыла банкой и забыла. И на ней образовалась плесень – очень красивая плесень. И я Володе говорю: почему обязательно на хлебе? Вон у меня на морковке плесень есть.

Он так захохотал и говорит: «Ну хорошо. Я ее завтра возьму». И на завтра он принес эту морковку в школу. Класс захохотал! Потому что учительницу Елену Сергеевну прозвали «морковкой», и она это знала. А преподавала она ботанику, и когда все это увидела, то сказала: «Высоцкий, какое вы ужасное существо!». Потому что она, конечно, знала, какое у нее прозвище. А Володя сострил: «Я был веществом, а стал существом». И опять в классе все захохотали. Ну все мы в детстве шлодили...

– Мне рассказывали, что Высоцкий точно копировал вашу соседку Гисю Моисеевну. Расскажите, пожалуйста, о ней.

– Гися Моисеевна – мать Миши Яковлева, была очень интересная женщина. Например, она говорит:

– Вовочка, тебе звонил Сережа.

– Какой Сережа? Может быть, Гриша?

– Очень может быть, что Гриша!

Понимаете, она не очень запоминала все эти имена, а Володя потом повторял: «Это очень может быть».

У Гиси Моисеевны была старенькая уже мать – такая аккуратная старушка. И вот она входит к нам в комнату и говорит: «Здравствуйте, вы меня не узнаете? Я – Гофман, Гисина Мама. А где Гисин шкаф? А где Гисина тумбочка?». Во-

лодя моментально это схватывал и повторял: «Здравствуйте, вы меня не узнаете?». И говорил это не с насмешкой, а по-доброму.

– *А отношения у вас с Гисей Моисеевной были хорошие?*

– Естественно! Гися Моисеевна, Софья Арменаковна, вот с ними были идеальные отношения. Вообще у нас у всех в доме на Первой Мещанской были очень хорошие отношения. Тетя Соня – Софья Арменаковна – знает Володю с самого рождения. Ее сын Миша – на двенадцать лет старше Володи. Володя с Мишей подружился уже в последнее время, когда повзрослел, стал студентом... К Мише приходили друзья, Володя с ними общался. Но Яковлевы были ближе всех.

Володя родился в январе – а дом у нас старый, да и плохо топили, – и у Гиси Моисеевны в комнате было теплее, чем в нашей, да у них еще керосинка горела... Так я с грудным Володей у них несколько раз ночевала. Это же за стенкой, мы же рядом жили. Да, у нас между комнатами когда-то были двухстворчатые двери. Это был один богатый двухкомнатный номер. Потом эти двери забили и заложили. Но когда семья Гиси Моисеевны переехала к нам, мы эти двери вообще открыли и общались, как будто одна семья. И обедали вместе, и чай вместе пили... На Новый год ставили одну елку, обедали вместе. А вообще Володя был самым маленьким в нашем коридоре – все с ним играли, его угощали, все его любили.

Гися просто обожала Володю. У нее был такой большой пуховый шарф, она Володю положит на кровать, прикроет этим шарфом, и он у нее спит. Когда он подрастал, все время бывал у Яковлевых. Однажды он Якову Михайловичу ка-а-ак даст! «Давона спать! Пора на работу!» – это мне потом рассказал Яков Михайлович. Все они Володю очень любили.

Софья Арменаковна Терминосян, вот они жили немного лучше. И когда мы вернулись из Бузулука, все время – до конца войны – тетя Соня Володю подкармливала. Выйдет на балкон: «Ниночка! Идите к нам, я булочек напекла!».

Сейчас это трудно себе представить. Вот сейчас я бываю у Софьи Арменаковны, и мы говорим, что так уже никто не живет. Такое было время, и таких отношений между людьми уже нет.

Володя был такой хорошенький, кудрявенький – самый маленький в коридоре. Все его любили, девчонки его таскали – и кто булочку, кто конфету. Тогда ведь все вместе на кухне обеды готовили и друг друга угощали, хотя жили очень небогато.

Наша семья. Комната, в которой мы жили, все-таки была обставлена, у нас была старинная мебель, красивые обои. А ведь у других ничего такого не было. Стол, стулья с круглыми спинками, кровати, деревянный диван – вот и вся обстановка. Больше ничего! Все жили очень скромно. Вот семья одной моей подруги: в одной комнате жили тетя, мама и две девочки. Стояли четыре кровати, стол, комод – и больше ни-

чего. А у нас даже скатерти были и красивые шторы, а не занавески, как у всех...

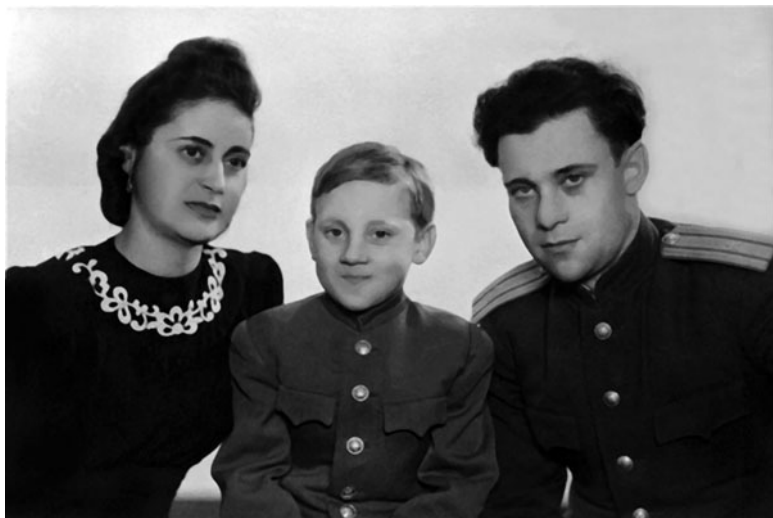
– *Расскажите о вашей семье...*

– Сестра Раечка, она рано умерла... В 1931 году, зимой. Ей был всего 21 год. А потом умерла моя мама. Брат Сергей... Очень красивый был мужчина: громадного роста, смуглый, черноглазый – все женщины обращали на него внимание. Учился в Севастополе в летном училище. Я до сих пор помню адрес: Севастополь, Кача, Первая летная школа, ученику летчика Сергею Серегину...

Начинал он работать в Оренбурге, летчиком-инструктором. Оттуда его вызвали в Москву, в штаб Военно-воздушных сил, здесь он тоже работал летчиком-инструктором. Тогда же были эти «звездные» дальние перелеты, он в них участвовал и был за это награжден. Во главе штаба стоял тогда Алкснис. Потом Сергей уехал из Москвы в другой город, где он уже командовал эскадрилей. У него было «три шпалы», то есть он был в звании майора. И вот там его арестовали, арестовали безвинно. Произошел такой случай. Шли учения, и одна бомба не взорвалась. Случайно ее нашли дети, произошел взрыв, и трое детей погибли. И вот в его личном деле сказано, что в этом виноват командир эскадрильи! Но откуда он мог знать, что бомба не взорвется, что дети пойдут по этому полю и найдут ее.

Началось следствие. Сергей был под следствием два года, один год в заключении где-то на Севере, на каких-то озерах.

Приговорила его «тройка» – то есть судили без суда и следствия.

Десятилетний Володя Высоцкий со своим отцом Семеном Владимировичем и мачехой Евгенией Степановной

Потом Сережа вернулся, стал восстанавливаться. Все это тянулось, надо было добиться пересмотра дела и так далее. Один его друг помог Сергею устроиться на авиационный завод. Там он работал нормировщиком, еще кем-то. Он же был очень способный. И вдруг начальство вспомнило, что у них работает летчик, и ему дали летать, но уже на грузовых самолетах. А в письмах он мне писал: «Я уверен, что буду ле-

тать на боевых самолетах». Там, в Ульяновске, он и умер – в 1952 году...

– *Значит, Высоцкий его знал?*

– Конечно, Володя его знал, и уже потом Володя мне однажды говорит: «Мам, расскажи про дядю Сережу...» – «Ну что я тебе расскажу?.. Зачем это?» – «А-а, боишься, у меня же жена иностранка». – «Ничего я не боюсь, это она этого боится».

Ну а в те времена, конечно, Володя был мальчиком. Но я помню, что он очень переживал, когда Сергей умер... Сережа в последние годы жил в Ульяновске и приезжал к нам в Москву. Последний раз он приехал, – уже такой худой был – обошел всех своих родных и знакомых, как будто что-то предчувствовал. В Москве он был в сентябре, в декабре заболел, а в марте умер. Ведь на севере, в лагере, он такое пережил. Хвою ел, ягоды собирал, болел, в больнице лежал. Говорил там: «Сестрички, не дадите мне таблетку, чтобы вылечиться от тюрьмы?..» Сергей был такого веселого нрава. Но ведь там был – ужас! Сережа старался никогда об этом не вспоминать. Он безумно страдал от того, что все это было так несправедливо. Ни за что сломали человека! А вот теперь Генеральный штаб прислал мне бумагу, в которой говорится, что Сергей полностью реабилитирован.

Когда он вернулся, ему в Москве нельзя было жить. И он прятался у меня, смотрел из-за занавесок, не идет ли милиция. Все было очень строго, милиция все проверяла. Ну, а

потом он устроился на работу на этот авиазавод. Просился на фронт, но ему отказали. Сказали, что можете сопровождать эшелоны, а он хотел воевать, и воевать летчиком.

Он мне рассказывал про пересыльную тюрьму. Туда сгоняли тысячи людей, и они стояли вот так – впритирку. То есть люди не могли ни сесть, ни даже упасть. И вот они – несчастные и голодные – иногда умирали стоя. А когда кого-нибудь вызывали, была жуткая давка, и в этой давке тоже погибали люди! И в этой толпе они, изможденные, придумали такой полуприсед, чтобы хоть немножко отдохнуть.

И вот представьте себе, потом начальник этой Лукьяновской тюрьмы был директором завода, на котором я работала в эвакуации. И там он издевался над рабочими.

Так что, видите, сколько я пережила за брата... Да и за сестер...

– *И за племянника Николая?*

– И за племянника тоже. Ведь Николай остался один: отца нет, мать умерла. И вместо того, чтобы его отправить в детский дом, он попал в детский приемник. А это совсем другое дело, там они, мальчишки лет 14–15, работали на угольной шахте. И уже там Николай начал кашлять... Потом Николай мне говорил: «Я чувствую, что начал кашлять...» И тогда мальчишки решили оттуда бежать. И по дороге они, голодные, что-то стащили, чтобы поесть. Их поймали, и так он попал в лагеря, работал где-то на золотых приисках в Сибири. И сколько я за него хлопотала!

А когда Николай вернулся в Москву, – вы бы знали, какой он был худой. Просто скелет. А вернулся он по амнистии, да еще дорогой его ударили ножом в живот, и рана загноилась... Но он сказал себе: я всеми правдами и неправдами должен вернуться в Москву. И главное было для него сохранить справку об освобождении. И вот он приехал в Москву: квартиры нет, прописки нет – что делать?.. А ведь он приехал в таком страшном виде: казалось, что у него есть только кости, а мышц вообще нет. Как из Освенцима!

А у него в Москве была еще одна тетка, я пошла к ней и говорю:

– Надо как-то устраивать парня.

– Вот и устраивайте сами своего парня.

В общем, она так агрессивно меня встретила. Но ведь тогда все всего боялись. Коля живет у нас. Конечно, надо хлопотать, ведь он нигде не прописан. А где хлопотать? С чего начинать? А тут еще Коля заболел – у него активный процесс в легких. Ходить он не может, лежит. Что делать? Куда бросаться? И я начинаю хлопотать, звоню в больницу. Говорю: приезжайте, иначе человек может умереть. Лежит, а на нем все мокрое, как будто он из ванны вылез! Это все было еще на Первой Мещанской, еще в старой квартире – 1951-й или 1952 год. Ну и что делать? Я же работала... Приезжает врач, дает направление на рентген. И вот там, после рентгена, из кабинета выскакивает медсестра... Вот с такими глазами! «Кто здесь с ним?! Кто здесь Дартушина?!»

Я говорю:

— А что с ним?

— А вы кто?

— Я — тетка.

— У него ужасное затемнение в легких!

Ну, что делать — надо класть его в больницу, а как? Коля же нигде не прописан, у него даже паспорта нет. Я начинаю хлопотать, иду в райисполком. Все там рассказала, а мне говорят: «Мы понимаем ваше положение, но ведь он живет не на нашей территории. Советуем вам пойти в свой исполком». А тогда ведь все было проще: я сразу попадаю в приемную председателя нашего исполкома, а он уже собирается уходить. Я к нему:

— Вы уже уходите?

— Да, ухожу. А вы ко мне?

— Да, к вам.

— Ну, пожалуйста.

Представляете? Возвращается в кабинет, предлагает мне стул. И я говорю:

— У меня вот такая ситуация, в квартире такой больной человек.

И он меня направляет в другой кабинет: «Идите к товарищу Шепелю и расскажите, что у вас такая проблема... Все подробно ему расскажите».

Я пошла, а это оказалась женщина. Все подробно ей рассказала. И на следующий день с работы ей звоню. Она отве-

чает: «Я ничего не забыла, все идет своим чередом». Прихожу вечером домой, оказывается, что она сама побывала у нас и посмотрела Колю. А соседи все ей рассказали. Ведь все они – и Гися Моисеевна, и Людмила Яковлевна – помогали, ходили к нам, кормили Колю. И эта Шепель мне говорит, что надо пойти туда-то, взять такие и такие документы.

Ой-ой-ой! Сколько я тогда выходила!.. У меня была целая записная книжка: куда и когда надо идти, с кем говорить... А у меня же работа, правда, меня отпускали иногда... И однажды я прихожу домой, а Коли нет. Наконец его забрали в больницу. Я сразу туда, а сестра говорит: «Вот и мамочка твоя пришла...». А когда она его раздевала, то говорила: «Милый мой, откуда же ты такой явился?». А Коля говорит: «Откуда-откуда? Оттуда, где и Макар телят не гонял...»

В общем, у него туберкулез, и он лежит в больнице в Сокольниках полгода. Я езжу к нему почти каждый день, падаю с ног, но что же делать. Потом меня вызывает главврач и говорит: «Мы не можем его больше держать, курс лечения закончен. Но просто так выписать мы его не можем – он же без паспорта».

Я опять в наш исполком: ну дайте, наконец, паспорт человеку. И наконец мне дают паспорт. В больницу Коля лег летом, а вышел зимой. И вот всем домом мы собирали ему одежду. Кто-то дал пальто, кто-то – шапку, зимние ботинки. Вот такая история.

– А Высоцкий общался с Николаем?

– Володя с ним, конечно, общался, но не так много. Он даже говорил Николаю: «Коля, ты на меня не обижайся, я же учусь, я же – студент».

А вообще, вы знаете, Валера, это очень тяжелая тема, и я стараюсь ее не касаться.

О Марине, о даче и о наследстве

Что касается Марины. Марина прилетает 23 января. И я вас уверяю, Валерий, все с ней будут общаться. Я Вадиму Ивановичу (Туманову. – *В.П.*) сказала: «Вы должны высказать Марине свое мнение. И очень резко ей сказать, что вы думаете о ее книге».

А вы знаете, что Марина подала в суд на газету «Советская Россия»? Подала за неточный перевод. А женщина, которая переводила этот отрывок, – очень образованный человек. Она говорит, что во французском языке нет такого слова «алкоголик». А там речь идет вот о чем. Марина пишет, что вот она приехала в Москву, познакомилась с молодым человеком, а ей говорят: «Это сейчас он не пьет. А вообще он – алкоголик. И потом он тебе покажет...» А если бы Марина хорошо владела русским языком, то она могла бы написать так... Что он часто себя не сдерживает, ну, наконец, выпивает. Но не алкоголик же! И вообще она не должна была об этом говорить.

Потом она путает многие факты... Возьмем этот трагиче-

ский случай у Абдуловых. Во-первых, было желудочное кровотечение, а не «пошла кровь из горла». И это было не в тот момент, когда якобы Володю не пустили в автобус, он расстроился, вышел из себя, и поэтому все произошло. И произошло это потому, что он жил в постоянном напряжении.

Потом, она пишет о каких-то тяжбах, о судах. Да, это было, но это мы ходили, волновались, терзались. А Володе звонили по телефону и вызывали в суд. А он сказал: «Оставьте меня в покое! Я никуда не пойду! Не звоните мне больше и не мешайте мне работать». Повторяю, он все время был в напряжении.

– *Эта история с группой администраторов Кондакова?*

– Наверное. Ведь Володя многое не рассказывал. Я только слышала его разговоры по телефону и видела эти повестки в суд, которые я запихнула подальше, чтобы они не попадались Володе на глаза.

Да, а в главе, где говорится о Семене Владимировиче, она якобы пишет Володе: «Милый мой, ты не знаешь, в какой стране ты живешь.» И это пишет француженка, это у них все продается и все покупается, а не у нас.

А еще она недавно снялась в антисоветском фильме. Во втором подъезде нашего дома живет женщина – переводчица из Министерства культуры. И она мне сказала: «Когда мы недавно были в Париже, мы просто ушли с этого фильма. Отвратительно! Невозможно было смотреть!» Но Марина же вывернулась, она сказала: у вас же перестройка, у вас все

будет по-другому. И почему не снять такой фильм?..

С Мариной Влади в аэропорту Шереметьево. 1969 год

А вообще Марина – женщина умная, очень практичная, очень деловая. У нее же большие связи. Я знаю даже, что она знакома с самим Горбачевым и даже подарила ему свою книгу.

– Наверное, она знакома с женой Горбачева... Марина встречалась с Раисой Максимовной в Париже...

– Может быть... Но вы представляете, что Горбачев такое

читает про ее мужа!

– *Но книга же на французском...*

– Ну что такое для Горбачева – книга на французском... Садятся четыре переводчика и в одну ночь переводят всю книгу. И даже напечатают! А там написано: первый экземпляр – тому, второй экземпляр – тому и так далее. И все наше правительство читает книгу Марины!

Я вот сейчас сниму все ее портреты и вынесу из дому! Она кровно нас обидела, обидела всех детей и внуков!

Ведь книга издается не на один день. Она будет стоять в библиотеках, и ее будут читать. Одна женщина написала в издательство «Прогресс», чтобы какие-то места смягчили, а какие-то – убрали совсем! У нас же не принято об этом говорить. А какие слухи и сплетни пойдут...

– *А 25 января вы будете в театре?*

– Конечно, буду! Хотя спектакль мне не очень нравится. Там мало гражданственности, а ведь у Володи есть песни, которые действительно берут людей за душу. Хотя Любимов собирается там что-то менять. А так у меня остался осадок – какой-то легковесности. Мы сидели в зале и дергались. Там Ваня Бортник поет, как будто он пьяный.

Понимаете, какая-то чушь получается. Человек работал в театре, снимался в фильмах, выступал в сотнях городов Советского Союза, общался с людьми, ездил в заграницу. Существуют тысячи фотографий – и ни на одной нет пьяного Высоцкого! Понимаете? Когда же он пил, если он столько

работал?! Он столько создал стихов и песен, и разве можно *это* выносить на первый план?

Володя не пил. Если он выпивал – это была болезнь! Он болел! Если только это происходило, Володя был похож на подстреленную птицу. А она пишет о том, что он приползал пьяный домой! Да как она смеет?! Когда мы жили вместе с Володей, ни одного такого случая не было. Правда, если где-то собиралась компания, то он любил оставаться там, у товарищей. Ну, сидели они ночами, разговаривали, а мы жили далеко.

Ну кому интересно, что Володя, – как пишет Марина, – ледяной ложился под одеяло, что у него были судороги... Ну кому это надо?! Это бульварная литература – и больше ничего. В газете «За рубежом» перевели то место, где Марина пишет, как Володя с пренебрежением пнул шприцы... Ну что это?! Я вчера Никиту спросила:

– Никита, ты когда-нибудь видел папу пьяного или в непристойном виде?

– Нет, я про такое даже и ничего не знаю...

Я могу точно сказать, что Володя никогда и никого не обидел и не оскорбил – даже если он был в таком состоянии. Он болел! В общем, он был такой несчастный человек, которому нельзя было выпить.

А Володарский?! Он же пьет постоянно. У него, правда, бывает такое: он останавливается, и тогда работает как вол. И он часто пишет про милицию, поэтому у него такая мощ-

ная поддержка. Но с народом ему связываться не стоит!..

– *Володарский ведь и дачу Высоцкого разобрал...*

– Ну, это разговор отдельный. Я считаю, что в этом отношении не надо на Володарского бочку катить. Потому что он дал Володе этот кусок земли. А они – Марина и друзья – начали эту дачу продавать. Сначала Артур Макаров хотел купить, потом другой человек, которого Володарский не хотел. Но я же не в курсе всех этих дел. Это Марина занималась этим, она все решала, и все «друзья» ей помогали. А от нас все скрывали, шептались в коридоре, даже дверь закрывали.

Мы в это дело не вмешивались, да у нас никто ничего и не спрашивал. Они сами все обсуждали и все решали. Я тут занималась хозяйством и слышала, как Артур Макаров сказал: «Сорок тысяч за дачу я отдам, но только не сразу. Сразу я не могу». А Марина говорит: «Ну, хорошо! Ты эти деньги потихоньку будешь переводить Нине Максимовне.»

Благородный жест – переводить деньги матери. А когда там жил Макаров, к нему приезжали его друзья грузины, кутили там. А Володарскому все это было неприятно! Он эти шесть соток отдал Володе, а Володи не стало. И ему все эти кутежи стали неприятны. Потому что Артур – это же не Володя, это же совсем другое дело.

Потом Сахнин хотел купить дачу, что-то мне названивал, а я не в курсе дела. Этот Сахнин писал какое-то заявление в дачный кооператив, но все это было мимо нас... А потом Володарский решил – зачем кто-то чужой будет жить на его

земле... Потом он хотел взять себе этот дом под библиотеку, но ему не разрешили, потому что у него свой дом очень большой. И он в сердцах этот дом разобрал. А мы даже в Моссовет обращались, чтобы сохранить эту дачу. И вот тогда у Володарского и пошло зло против меня. А я вообще не злой человек и не люблю все эти склоки, эти выяснения отношений – это не в моем характере.

Да, я написала заявление в Моссовет – Степанову: то-то и то-то произошло... Написала о том, что нужно сохранить этот дом, что Володарский в своих произведениях говорит о чести и достоинстве, а в жизни поступает совсем иначе. После этого звонит его жена Фарида: «Вот, вы на Эдика всякие гадости пишете.» «Какие гадости?! А вы читали? Вот скажите, какие гадости в этом письме?»

Потом уже сам Володарский стал мне писать письма, потом он стал требовать деньги за тот сломанный дом, на месте которого Володя построил дачу. Я позвонила Нагибиной, они там рядом живут. И она говорит: «Какой это был дом?! Его тронуть пальцем, и он бы развалился! Не дом, а щепка. И что это Эдик выступает. Пусть сначала расскажет, как он Кирсановым деньги за свою дачу не отдавал.

То да се. А Фарида говорит:

– Нет, никому этот дом мы не продадим.

Звонит мне:

– Вы знаете, Нина Максимовна, мы решили этот дом сами купить. За десять тысяч рублей.

– Но вы же прекрасно знаете, что этот дом стоит гораздо больше!

– А вы видели наш дом? Вот наш стоит десять тысяч, а Володин гораздо хуже. Но мы предлагаем вам официально оформить все за десять тысяч.

– Вы знаете, Фарида, – оставьте меня в покое. Я в этом деле не участвую, ничего не знаю, какие у вас дела делаются. Пожалуйста, не звоните мне больше.

А в это время Марина с друзьями собралась подавать в суд на Володарского. Какая-то расписка Эдика у них была...

И тут все это произошло! Володарский разобрал Володину дачу. Конечно, он мог оставить этот дом, дом мог бы стать музеем. И ничего страшного не было бы, если бы родители хоть раз в неделю приезжали туда, чтобы поддерживать там порядок. А так все пошло прахом.

Но дело в том, что дом не был официально оформлен, то есть – построен незаконно... Володя мне как-то сказал:

– Мамочка, вот дачу строю...

– И где же ты ее строишь?

– У Едика Володарского.

Володя так его называл – Едик...

Я говорю:

– Милый мой! Ты же эту дачу строишь на песке!

– Почему, мамочка, на песке?

– Знаешь что, придет новый хозяин земли, и что ты будешь делать?

– Ну и что, я ее на новый участок перенесу. Она же у меня будет разборная.

Понимаете, все-таки дача была построена, повторяю, «незаконно». А теперь получается все законно. Материалы останутся детям Володи, а нам, родителям, что надо?! Мне надо погулять на природе – я в Ромашково поеду и погуляю.

– *А какие были отношения у Володарского и Высоцкого?*

– У меня такое впечатление, что Володе с ним было интересно, все-таки среди всех Володиных друзей он один был писателем, они сценарий вместе написали («Каникулы после войны». – *В.П.*). Сейчас Аркадий работает над этим сценарием, кстати, вместе с Володарским. Аркаша на правах наследника и как соавтор. Ну а дача. Аркадий считает, что к нему это не имеет никакого отношения. И я могу сказать, что Володарский Аркадия опекает.

А нам никакие дачи и машины не нужны. Мы сына потеряли – и ни в какие дела не вмешивались. Тогда они в этом доме шуровали. Сидели тут все друзья Володи вокруг Марины, как цыплята вокруг наседки. Это она тут всем командовала. А нас запутали, опутали – только так! А машины незаконно вывезли из Москвы, вывезли без всяких доверенностей. Правда, Марина сразу сказала: «Я возьму только две машины». И никто тогда не возражал, ведь они имели дело с порядочными людьми.

И вот еще что, Валерий... Марина после смерти Володи стала совсем другим человеком. Значит, похоронили мы Во-

лодю все вместе... На девять дней ее не было, она прилетела на сорок дней. Она, конечно, переживала – очень похудела. Тогда Марина была в ужасном состоянии, но она уже занималась делами. Наследственными делами... А мы же – советские люди – ничего не знаем об этом. И ничего не хотели делать. Машины не мы покупали, дачу не мы строили. Мы потеряли сына, страдали, а остальное – как идет, так идет. Всю Володину одежду Марина оставила детям – будет она еще с мелочами возиться. А вокруг нее крутились Валера Янклович, Игорь Годяев, Артур Макаров – они все ей тут помогали.

У Володи была звуковая установка – японская, белого цвета, «Пионер». Он купил ее за несколько тысяч еще на Матвеевской. Очень красивая установка, такие большие деревянные тумбы (звуковые колонки. – *В.П.*), проигрыватели разные, какие-то штуки стояли на штативах (микрофоны. – *В.П.*). И вот Володя с Мариной уехали за границу, а вещи его все стояли у меня, за ширмой, до самого потолка – тюки. И все мои сотрудники принимали в этом участие и перевозили. В этих же тюках была и эта установка. А когда они вернулись, уже в новую квартиру, что им нужно, то и распаковывали. И первым делом Володя взял эту установку. А потом они здесь (на Малой Грузинской. – *В.П.*) все стали переделывать, обои переклеивать. Володя даже нанимал человека, который руководил этим ремонтом. Ну, вот все. Переехали они в свою квартиру – установка на месте. Но через неко-

торое время появилась другая музыкальная установка – две большие ажурные тумбы, она записывала и на катушки, и на кассеты. Громадная, еще больше чем, «Пионер». Я приехала к ним и говорю:

– Ой, Володя, какая-то эта новая – некрасивая. Та была лучше.

– Мамочка, а ты знаешь, сколько она стоит?

– Ну, я в этом ничего не понимаю, но мне кажется, что та была интереснее.

Новоселье в квартире у Владимира Высоцкого на Малой Грузинской. Стоят: Борис Мессерер, Эдуард Володарский, Станислав Говорухин, Марина Влади, Владимир Высоцкий; сидят: Белла Ахмадулина, отец Высоцкого – Семен Владимирович, Василий Аксенов, Степан Плотников – сын фотографа Валерия Плотникова, Татьяна Сидорено с другом, Всеволод Абдулов с дочерью Юлией, мачеха Высоцкого – Евгения Степановна, Инга и Виктор Суходрев, Лиля Митта, Фарида Тагирова-Володарская, Александр Митта

Но, видно, она была ему нужнее, чем прежняя.

Когда Володи не стало, Марина меня как-то выпроводила из квартиры – на рынок или в магазин, уже не помню, – а они тут стали сами шуровать, канителиться. И когда я вернулась, увидела, что установки нет. Я тогда Валерию Янкловичу сказала: «Вам не кажется, что вы унесли второй гроб из дома?» – «Ну что Вы, Нина Максимовна, ничего подобного». В это же время пришел Никита, посмотрел, увидел и спрашивает: «А почему вы взяли папину установку? Он же на ней работал...». И Никита сам поговорил с Мариной. А я никому об этом ничего не говорила, правда, позвонила Семену Владимировичу:

– Куда-то исчезла Володина установка.

А еще я спросила вахтера: выносили вчера какие-нибудь большие ящики или коробки? Она говорит: нет, не выносили. Я сразу догадалась, что установка у Нисанова. И только

через несколько лет это подтвердилось официально – Марина продала ее Нисанову за 11 тысяч. А Никита, когда сказал, что «папа работал!», спросил у Марины... Я захожу в комнату, а она уже на взводе, вся взвинченная...

– Вы что-то Никите сказали?!

– Ну, а что я ему сказала? Он уже взрослый человек, он сам все увидел и все понял. Он же несколько раз приходил к отцу, держал в руках тексты, а Володя работал.

В общем, все они считали, что все, что есть в квартире, – принадлежит Марине. О Володе уже никто и не думал. Потом я сказала Семену Владимировичу, что вынесли установку. И он позвонил Марине: «В чем дело?! Где установка?» А Марина и Никите, и Семену Владимировичу сказала одно – что установка Володе не принадлежала. Якобы это установка Бабека, и ее нужно было вернуть. И после этих разговоров они все сказали Бабеку, что, в случае чего, ты говори, что установка твоя.

А Никита говорит: «Что это за таинственная личность такая – Бабек? Машины – Бабека, установка – Бабека. А что у папы ничего своего не было?!»

Мне ничего не надо, но как-то это все не так делалось. Рукописи вывезли безобразно, фотографии тоже увезли. Потому что в тот момент – после смерти Володи – я ничего не собирала, ни о чем не могла думать. Это они что-то увозили, что-то привозили... А потом я получила анонимное письмо, что среди Володиных друзей есть предатели. Ведь кто-то же

придумал легенду, что и машина, и установка принадлежали Бабеку. Но когда Марина поняла, что без установки большая комната как-то опустела и что-то в этом не то... Тогда мне купили маленькую установку, а я ей никогда не пользуюсь! Никогда!

Марина прилетела в очередной раз:

– Ну как установка?

– А я не знаю! Никогда и ничего на ней не делаю.

– Ну почему?

– А я не хочу.

Вот так они тут хозяйничали... Потом искали какие-то документы. Да, у Володи был еще один магнитофон, он стоял в спальне. Он включал его перед сном, обычно слушал какие-то классические вещи – его тоже кому-то отдали. И все это было на наших глазах, мы только смотрели и удивлялись.

И вот после всего этого – а ей еще кто-то что-то нашептал – она сама что-то надумала. И она уехала из дома, жила на даче. А я переживала, плакала, говорила по телефону:

– Почему ты уехала?! Кто тебе чего сказал? Возвращайся домой. Но она уже не вернулась.

Москва, Малая Грузинская, 19 января 1988 года

**Еще о Марине, о ее книге, и о том,
что происходило в июле 1980 года**

– Валерий, вы приехали и уехали, а мы здесь живем. Пер-

вая гадость была – Маринина книга, и вы должны были сделать все, чтобы эта книга померкла... Я плакала, когда читала «Столицу»... (Журнал «Столица» – публикация «Скорбный лист, или Как умирал Высоцкий». Интервью В. Первозчикова с Л. Сульповаром и А. Федотовым.) Как вы могли опубликовать это при живых родителях! Почему никто не пишет, как умер Даль? Как умер Богатырев?

И люди не молчат – звонят Мальгину (Андрей Мальгин – в то время главный редактор журнала «Столица». – В.П.). А вы знаете, что у палаточного городка, у самого Кремля один человек держал плакат: «Требую выяснения обстоятельств смерти Высоцкого!»

Я сама себя уговаривала – ну, может быть, это ничего... Я не могу сказать, что это гадко, – нет. Это написано по-доброму, но зачем?! Скажите, Валерий, зачем? Меня берегли, долго не говорили об этой статье... Вы должны были выступить в защиту Володи, а получилось... Может быть, вы запретите перепечатку? Да нет, это невозможно... А мне Володю так жалко!

Ведь это была болезнь... На Володю же невозможно было подействовать в таком состоянии, но мы же старались... Старались уберечь, чем-то отвлечь. Он же ничего не ел – мы варили бульоны, поили соками... И что это такое – «уход в пике»? Никуда он не уходил, его мозг постоянно работал, он страдал, и страдал тот, кто его любил. Мать страдала! Пусть это уже не тайна, но зачем еще раз?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.